

С. Королевич (Брест)

«ИЗМЕНЯТЬСЯ, ЧТОБЫ СОХРАНИТЬСЯ!» (О ФОРМАЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ)

Паремии, то есть пословицы и поговорки, выступают отражением коллективной памяти и вместе с тем являются продуктом исторического развития языкового социума. Об этом свидетельствует как их план содержания, так и план выражения.

В плане содержания текст паремии является сложным устройством, хранящим многообразные культурные коды, информацию о системе ценностных ориентаций нации, об образе жизни и мышлении языковой личности в частности и общества в целом, о коллективных эмоциональных шаблонах, то есть о менталитете народа, на достаточно продолжительном временном отрезке. С другой стороны, на каждом историческом этапе это содержание получает соответствующее времени языковое выражение.

Становление смысла и формы пословичного текста, который выступает «истинным стыком лингвистики и культурологии» [1, с.53], представляет несомненный интерес для исследователя. Широкие возможности изучения смысловых и формальных трансформаций пословиц открывает сопоставительный анализ сходных по содержанию и структуре паремий, бытующих в разное время.

В качестве материала исследования мы использовали тексты, сохранившиеся в самом раннем сборнике русских пословиц «Повести или пословицы всенароднейшыя по алфавиту» (XVII в.) и в сборниках начала XVIII в. Названные тексты опубликованы В.В. Колесовым в книге «Мудрое слово Древней Руси (XI – XVII вв.)» [2]. Для сопоставительного анализа привлекались также материалы «Словаря живого великорусского языка» В. Даля [3] и тексты пословиц из сборника «Русские пословицы и поговорки», составленного В.П. Аникиным в 1988 г. [4].

По утверждению В. Колесова, «пословица <...> появилась как способ смыслового сгущения мысли в поэтической речи, <...> как часть исходного рассказа, притчи» [2, с. 9]. В ней всегда сохраняется намек на общий смысл исходного текста. Используя современную терминологию, пословицу можно было бы назвать интертекстуальным элементом, свернутым «текстом в тексте». Однако изучение смысла пословиц показывает, что так бывает далеко не всегда. Во-первых, пришедшие на Русь из византийской книжности изречения, как авторские, так и народные, из языка-источника до древнерусского читателя могли доходить уже с изменением исконного смысла, поскольку византийская традиция сборников таких изречений известна еще с VII века. Во-вторых, переводы

афоризмов с греческого языка появились очень рано, в XI веке, а затем многократно переписывались на Руси, что тоже видоизменяло их состав и смысл. Когда индивидуальные черты книжного афоризма стирались полностью, могла появиться народная пословица. Возникла она только на месте тех изречений, смысл которых сводился к полезным и значительным сентенциям, актуальным для жизни русского народа.

В народной речи текст пословицы продолжал оттачиваться, переживая множество смысловых обобщений и сдвигов, которые сопровождались формальными трансформациями. Порой это «уводило» пословицу от содержания и формы исходного выражения очень далеко. Сравним, например, фразу из «Повести временных лет», когда Добрыня говорит князю Владимиру: *«Съглядах колодник, оже суть все в сапозех: сии дани нам не даяти, пойдем искать лапотников!»* (Невозможно получить дани с состоятельных (обутых в сапоги), нужны бедные, зависимые, слабые лапотники). Форма возникших позже аналогичных по смыслу пословиц совсем иная: *Хорошо на того грозиться, кто гроз боится* [4, с. 319]; *Бьют того, кто плачет; На обиженных воду возят.*

Как же развивалась смысловая сторона некоторых общеизвестных пословиц? Прежде всего, отметим сгущение образных смыслов в тексте пословицы. Наблюдения над пословицами, выступающими в сборниках разного времени, позволяют предположить, что сначала высказывание характеризовало конкретную ситуацию, затем распространялось на аналогичные ситуации (это вызывало появление синонимичных выражений с разными уточнениями смысла), и, наконец, происходило обобщение смысла. Так, в древнейших записях пословиц Тённи Фенне находим громоздкое выражение с несколько расплывчатым содержанием: *Рука руку моет, ино будут обе чисты; таково же – друг другу любит, а бог обеих* [2, с. 346]. Несколькими десятилетиями позже структура пословицы упрощается за счет утраты сопоставления, а смысл конкретизируется: *Рука руку моет, а обе хотят белы быть* [2, с. 388]. Аналогично прочитываются эти пословицы и у Даля: *Рука руку моет – обе белы живут; Рука руку моет – обе хотят белы быть* [3, IV, с. 110]. Однако одновременно появляется и пословица с обновленной второй частью (*Рука руку моет, вор вора кроет* [3, IV, с. 110]). Впоследствии это привело к формированию нового образного смысла с негативной оценочностью ‘ты полезен мне – я тебе’, с которым поговорка *Рука руку моет* вошла в актуальный фразеологический фонд русского языка. Правда, в пассивном запасе обе пословицы существуют и теперь в близком к исходному виде: *Рука руку моет, вор вора кроет; Рука руку моет, а обе белы живут* [4, с. 273-274].

Интересную предысторию имела пословица: *Не пойман – не вор*. В древнейшем варианте она тоже включала две части, причем вторая часть содержала слово из инвективной лексики: *Не пойман – не тать, не понятия – не б...* [2, с. 382]. В народной речи этот смысл мог обретать и вполне цензурное оформление: в словаре В.И. Даля находим: *Не пойман, не вор, не уличена, не гулява* [3, I, с. 407]. В. Аникин тоже приводит эту пословицу, сохраняющую не только вторую часть в облагороженном звучании, но даже ритмичность: *Не пойман – не вор, не уличена – не гулёна* [4, с. 222]. Однако уже в конце XVII в. начинается обобщение смысла, о чем свидетельствует присоединение к первой части других параллелей, например: *Не пойман – не вор, не укуплен – не холоп* [2, с. 414]. (Одновременно архаичная лексема *тать* вытесняется словом *вор*).

Расширение образных сопоставлений, очевидно, привело к тому, что с течением времени все смыслы, в разное время выражаемые второй частью, аккумулировались в первой части. Содержание, прежде эксплицируемое второй частью, становится неактуальным в силу изменения социального строя и некоторых нравственных ценностей. И тогда выражение обретает окончательную форму: *Не пойман – не вор* – с ёмким смыслом, позволяющим оправдывать участие в недостойной ситуации любых лиц, если вина их не доказана.

Замечено, что в структуре старинных пословиц намного чаще выступают образные сопоставления, впоследствии утраченные. Кроме отмеченной выше паремии *Не пойман – не вор, не укуплен – не холоп* [2, с. 414], назовем, например, пословицы: *Не все коту масленица – иногда и великий пост* [2, с. 413]; *Езык мой – враг мой, прежде ума моего рыщет* [2, с. 411] *Горбатого исправит могила, а прямова дубина* [2, с. 420] и др. Правда, подобная трансформация может приводить и к существенным смысловым потерям, сравним: *Новая метла чисто метет, а обломается – под лавкой навалется* [4, с. 236] – *Новая метла чисто метет*. Однако чаще так достигается лаконизм паремии и его образность.

Этому же служит контаминация двух разных пословиц в одном выражении, которая также связана со смысловым обогащением паремий. Например, в исследуемых источниках отмечены два ряда пословиц со сходным значением: *Тихая вода береги рвет* [2, с. 415], *В тихой воде омуты глубоки* [3, I, с. 673], *Тиха вода, да омуты глубоки* [4, с. 40]; а также: *Тихо озеро, а чертей полно* [2, с. 429], *В тихом озере черти водятся* [2, с. 416], *В тихом болоте черти водятся* [3, IV, с. 673]. Общеизвестным стал вариант, представляющий своего рода контаминацию обеих рядов: *В тихом омуте черти водятся* [3, IV, с. 673; 4, с. 40]. Смысл изречения не утратился, а обрел большую смысловую емкость и экспрессию.

Аналогичное развитие имело выражение «*Отольются кошке мышьи слезки*», возникшее в результате наложения смыслов устаревших сейчас пословиц *Отольются медведю коровьи слезы* [2, с. 415] и *Кошке игрушки, а мышке слезки* [2, с. 375]. Конкретная ситуация ‘медведи задирают коров’, некогда породившая образный смысл, сейчас неактуальна, тогда как смысл ‘кошки ловят мышей’ актуален и, кроме того, имплицитно заложен в пословице *Кошке игрушки, а мышке слезки*.

Пословицы переживают и другие смысловые трансформации, которые не всегда легко типизируются, но неизменно оцениваются как позитивно сказывающиеся на выразительности паремии. Так, нередко пословица оттачивается не только за счет концентрации образного смысла в одной из частей, но и за счет уточнения глагола, придания ему экспрессии. Например: *Клин клином выживает, вор вором губится* [4, с. 132]; *Клин клином **выживай*** [2, с. 413]; *Клин клином **вышибают*** [4, с. 132]. Сравните также: *Хлеб соль ежь, а правду говори* [2, с. 396]; *Хлеб соль ежь, а правду **режь*** [4, с. 316].

Изменение смысла возможно в результате отвлечения от конкретных деталей, например: *Где нас нет, там по две милостыни дают* [2, с. 361]; *Где нищий не бывал, там по две милостыни подают* [3, II, с. 326]. Возникшее среди нищих, изречение обрело общечеловеческий философский смысл, когда из его состава были устранены компоненты, указывающие на определенную социальную среду. Сравним: *Хорошо там, где нас нет*.

Пословица XVII века «*Мала дождевая капля жесток камен пробивает*» [2, с. 378], освободившись от конкретных характеристик капли и камня, получает лаконичный вид *Капля камень точит*, в котором ничего не утратилось: ни смысла, ни образа, ни экспрессивности. Такое же изменение пережили выражения: *Рыбак рыбака далеко в плюсе – видит* [2, с. 419] – *Рыбак рыбака видит издалека*; *Знать сокола и по полету* [2, с. 412] – *Видно птицу по полету*.

С другой стороны, в пословице можно отметить и конкретизацию смысла, когда для прояснения образа паремии ее состав дополняется другими словами. Например: *Стар борозды не портит* [2, с. 414] – *Старый конь борозды не испортит, да и не вспашет* [4, с. 294]; *Мир лучше ссоры* [2, с. 426] – *Худой мир лучше доброй ссоры* [4, с. 323].

К сожалению, выстроить временную последовательность тех или иных изменений в пословицах, несмотря на разную датировку сборников, из которых они извлечены, достоверно невозможно, потому что в каждый из вновь появляющихся сборников включались пословицы предыдущих эпох. Это лишь обусловило появление множества синонимичных и вариантных выражений. Например: *Пригож колчан стрелами, а обед*

пирогам [2, с. 388]; *Красна река берегами, а обед – пирогам* [4, с. 143]; *Красна изба пирогам* [2, с. 417]; *Не красен обед пирогам, красен едокам* [4, с. 217]; *Красна дорога ездокам, а обед – едокам* [4, с. 143].

Эволюция смысла пословиц обязательно ведет и к формальным их трансформациям разного масштаба. Прежде всего, речь идет о количественных изменениях структуры, вызванных утратой образных сопоставлений. Например: *Деньги любят щот, а хлеб меру* [2, с. 411]; *Сапожник – без сапогов, а портной без кавтана* [2, с. 429]. См. также примеры, приведенные выше.

Во-вторых, количественные изменения появляются и в результате устранения из состава паремии лексем, выступающих знаками конкретной ситуации, породившей пословицу или поговорку. Так, например, первоначальная структура старинных пословиц: *У старца в келье чем бог послал* [2, с. 394], *Нищему гордость, как корове седло* [2, с. 418], *Голь о голь как рыба о лед* [2, с. 410], *Хто во што горазд, тот тем и промышляет* [2, с. 395], *Хлопот полон рот, а перекусить нечево* [2, с. 394], *Чудеса в решете: дир много, а вылесть негде* [2, с. 430] с течением времени сократилась и в современном словаре трансформировалась во фразеологизмы с более широким и общим смыслом.

В-третьих, из состава пословиц уходят затемняющие их смысл устаревшие или диалектные слова (сравн.: *Седина в бороде, а бес в лядвею* (бедро с ягодицей) [2, с. 414] – *Седина в бороде, а бес в ребро* [2, с. 420]; *Тать у татя дубинку украл – Вор у вора дубинку украл; Не плюй в колодезь, лучится воды испить* [2, с. 418] – *Не плюй в колодец: пригодится воды напиться*). Как отмечалось, лексический состав пословиц меняется и в результате устранения внелитературной, грубой или бранной лексики.

Наконец, совершенствованию формы пословиц служит также грамматическое обновление, устранение грамматических архаизмов. Так изменилась, например, пословица *Знать сокол по полету* [2, с. 370], в которой форма винительного падежа *сокол* сохранялась как знак неразвитости категории одушевленности. В паремиях *Бездонная кадка водой не наполнить* [2, с. 416], *Знать сава на перью* [2, с. 370] выступал архаичный синтаксический оборот с прямым дополнением в форме именительного падежа, который тоже заменен нормативной формой винительного падежа. Пословица книжного происхождения с исконным действительным причастием настоящего времени *Мечем воюяй – мечем и погибнет* [2, с. 418] преобразовалась в конструкцию с придаточным определительным: *Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет*.

Пословицы, которые составляют богатства современного паремиологического фонда, – это продукт длительной истории и общества,

и языка. Как показывает анализ, эти образные выражения никогда не были неизменными, застывшими в своем развитии. Подвижность лексического наполнения народных изречений, как и образная конденсация их смысла или его уточнение, неизменно служили одной цели – сохранить и словесный образ пословицы, и выразительность ее формы.

Литература

1. Маслова, В.А. Лингвокультурология /Учебн. пособие для студ. высш. учебн. заведений / В.А. Маслова – М.: Академия, 2001.
2. Мудрое слово Древней Руси (XI – XVII вв.): Сборник / Сост. В.В. Колесов – М.: Сов. Россия, 1989.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах / В.И. Даль – М.: Русский язык, 1989.
4. Русские пословицы и поговорки / Под редакцией В.П. Аникина – М.: Худ. лит., 1988.